

13 января 20... года

Фламинго вглядывался в мельтешение снежных хлопьев, и ему было грустно. Или скучно. Но уж точно — холодно. Ноги на ледяной мраморной плите совсем застыли. Вьющийся из-под крышки гигантской супницы пар тоже был совсем холодный. Вдобавок вонял мокрым железом и голубиным пометом, хотя пахнуть ему полагалось рыбой. Содержимого супницы, наверное, хватило бы на целую стаю фламинго. Ну то есть на целую стаю фламинго нормального размера. Но что толку быть втрое выше любого другого «такого же, как ты», если ты всегда один и «таких же» никогда не видел? Ты и себя-то не видел толком.

В зеркальном дверном стекле отражалась левая нога и кусочек правой. Голова и туловище не помещались в зеркале. Фламинго даже не мог посмотреть, сильно ли обгадили его плечи вездесущие голуби. Впрочем, если бы сильно, наверняка явились бы вооруженные щетками маленькие люди в синих комбинезонах — мыть. За этим следили. Синие люди со щетками вносили в не-

подвижную жизнь гигантского фламинго некоторое разнообразие, поэтому он даже на голубей не особенно сердился.

Куда хуже голубей оказался снег, что безостановочно сыпался на его розовые перья, отчего они казались совсем тусклыми. Им полагалось светиться ярко — чтобы издали было видно. А сквозь мутную снежную пелену кто тебя разглядит? Светись не светись, что толку?

Да и самому фламинго — и это самое досадное — ничего сквозь колышущуюся белесую завесу не было видно. Разве лишь то, что совсем рядом. Слякоть на холодном мраморе под ногами да несколько машин у обочины. Из одной доносилась музыка. Обычно фламинго ничего не имел против музыки — хоть какое-то развлечение. Но сейчас звучащая из железной коробки мелодия его почти раздражала (если бы он был способен испытывать что-то в этом роде). Мало вокруг снега, так еще и петь про него?!!

Снег идет густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?
Снег идет, снег идет¹...

---

¹ Борис Пастернак.

* * *

— Громов!

Ольга прижала ко рту ладошку, с испугом осознав, что странная фигура — это действительно Громов. Она и сама не поняла, что ее напугало: ничего страшного в «фигуре» не было. Выглядел бывший однокашник скорее уж смешно. Даже жалко. В промокших ботинках, слишком светлом для зимы костюме с изрядно заляпанными брючинами и в довершение всего — в белой рубашке. Господи, разве можно белую рубашку под светлый костюм надевать? Да и костюм — где он такую древность откопал? К тому же гвоздика какая-то дурацкая из нагрудного кармана висит... Боже мой!

— Мотя! — радостно завопил Игорь. — Явился все-таки! А мы уж и не ждали! Прямо как в картине Репина. Ты что, через всю Москву пешком топал? В такую-то погоду, — Маликов зябко повел плечами, которые ладно облегал отлично пошитый оливково-серый пиджак. — Или боялся, что, если на такси потратишься, на оплату счета не хватит? Так я забашляю, разве мне для старого друга жалко? И такси для тебя оплачу, разве можно так здоровьем рисковать? У тебя же самые умные мозги из всего курса были, их беречь надо. А ты вон чего? Разве можно? Промерз небось как цуцик. А я как знал, в обратном порядке заказал, ну то есть все наоборот попросил принести, — он махнул в сторону стоявшей возле сырной тарелки бутылки. — Метрдотель чуть в обморок не

упал: как можно, коньяк — не аперитив, его после обеда употребляют. Но правила ведь и существуют, чтобы их нарушать, разве нет? Вот я и настоял, как предчувствовал, честное слово! Так что давай коньячку, сразу согрешься, — радушие изливалось из Игоря не то что потоком — водопадом, в его дружелюбном сочувствии можно было утонуть. В буквальном смысле. — Или тебе водочки привычнее? — не удержался он от шпильки, впрочем, тут же прикрытой еще более широкой улыбкой: мол, я это не в упрек, я по-доброму, по-дружески, о ближнем забочусь изо всех сил. — А коньячок хороший, вполне французский, не то что разные всякие... так что давай-давай! Хоть попробуешь, что это такое. Да ты садись, что ты мнешься, как бедный родственник. Не стесняйся, все ж свои. Садись, сейчас горячее принесут...

Как бедный родственник, мысленно повторила Ольга. И она тоже — как бедная родственница. Сжалась в уголке дивана — чтоб поменьше стать, чтоб не глядели, не замечали...

8—13 января 20... года

— Элло-оу?

Это «эллоу» Алла когда-то отрабатывала сосредоточенно и целенаправленно — что-то среднее между собственным именем и «хэлло». Этакий намек на английскую отстраненность, слегка смягченный легким, с оттенком

интимности, придыханием. В ее работе без доверительных отношений с клиентами — никуда. Но — в рамках, в рамках. Доверительные отношения одними интимными интонациями не выстроишь, в фундаменте должна быть солидность.

Телефон у нее тоже был... с подтекстом: тонкий, серебристый, как бы строгий, но определенно женский. Да, все правильно: она современная деловая женщина. Самодостаточная, уверенная в своем профессионализме и в то же время — явно и нескрываемо женщина.

Не выпуская трубки, она слегка потянулась. Из клубов белой пены появилась нога. Алла пошевелила пальчиками, полюбовалась: гладкая, розовая после горячей воды, с аккуратными золотистыми ноготками. Хороша! Ну, по крайней мере, та часть, что видна, впрочем, и остальная в общем-то не хуже. Такая же элегантная, как и протяжное «эллоу». Как и вся Алла. По сути, элегантность ведь и есть соединение женственности и деловой строгости.

И все-таки Аллочка в первую очередь — деловая. Ну кто еще станет телефон в ванную таскать? Даже два телефона: и элегантный мобильник, и тяжеловатую на его фоне переносную трубку стационарного аппарата. Собственно, этот звонок поступил как раз на «городской» номер.

— Алла, это ты? — спросили в трубке.

— Это я, — согласилась она, улыбнувшись самым краешком губ. — Говорите, слушаю вас.

Вообще-то она, конечно, узнала голос — память на всякие такие штуки у нее была отменная — но вряд ли этот звонок окажется деловым, можно и в удовольствие поважничать. Хотя как знать, как знать. Заранее не угадаешь, из какого колодца повезет напиток. Главное — не зевать, везение, как подсказывал богатый опыт, невнимательных не любит. Тем паче что месяц-два после Нового года на рынке мертвая тишина, тут любой шанс нужно ловить.

— Ну ты даешь, Цызина! — в трубке хохотнули. — Нехорошо, нехорошо старых друзей забывать. Впрочем, ладно, типа богатым буду. Хотя вроде и без того грех жаловаться. Ну что, все еще никак? Э-эх, память девичья... Или так Новый год праздновала, что до сих пор отойти не можешь? Кстати, с прошедшим тебя. Игорь я, Маликов...

— Привет, Игорек, — мурлыкнула Алла. — И тебя с Новым годом, спасибо. Сколько лет, сколько зим... Извини, что сразу не узнала, все еще отдыхают, а у меня в голове сплошная работа вместо праздников, на части рвут, ужас! — про «сплошную работу» она, разумеется, соврала, но не докладывать же всем и каждому про «мертвый сезон». Американцы вон даже накануне банкротства стараются полное преуспевание продемонстрировать, и Алла полагала, что это абсолютно правильная стратегия. Если ты всех убедишь, что у тебя все в порядке, оно и сложится. — Тебе, небось, тоже профессиональные услуги

понадобились? Что у тебя? Продать, купить, дом, квартира, дача, офис? Как старому другу, так и быть, скидку сделаю.

— Да нет, расслабься, я тебе работы добавлять не стану, — в трубке фыркнули. — У меня как раз наоборот, предложение отвлечься от работы.

— Батюшки! — Алла старательно изобразила нежный серебристый смешок. — Только не говори, что надумал меня на свидание пригласить, все равно не поверю. Ты же не Карен, ты ж у нас мальчик порядочный, за каждой юбкой не бегаешь. Или... — она вставила посередине фразы хорошо продуманную паузу, — седина в голову, бес в ребро?

Игорь расхохотался:

— В некотором смысле, дорогая моя, в некотором смысле. Женщинам, конечно, о возрасте напоминать неприлично, но, подруга, сколько с диплома нашего прошло? Почти двадцать лет, без маленького хвостика. И чего бы нам — ну в смысле группе нашей, я не про весь курс, а только про нас — чего бы нам не собраться? Посидели бы в ресторанчике хорошо, порадовались друг на друга. Такой вроде как новогодний карнавал. Ну или маскарад, я всегда путал, что из них что. Можно на старый Новый год собраться. Как тебе идея?

В ответную реплику Алла вложила изрядную долю скепсиса. Не то чтобы идея ей не понравилась, но сразу одобрять? Если Игорьку приспичило, пусть поугovarива-

ет, а если нет, то тем более. Всегда нужно оставлять пространство для маневра в духе «не больно-то и хотелось».

— Блестящая мысль! Особенно с маскарадом, — отметила она со смешком. — Детский утренник под елочкой. Ты, случайно, массовиком-затейником не подрабатываешь?

— Не, ну я ничего столь глобального не представлял. Маскарад — это чисто мысль, чтоб расслабиться слегка. Все-таки сто лет уже не виделась. Кстати, потому тебе первой звоню. Ты ж у нас запасливая, у тебя все контакты всегда были. Обзвонишь народ?

Ну вот всегда так! Вообще-то предложение нравилось ей с каждой секундой все больше и больше, так что ж теперь, впрягаться в подготовку? Но, похоже, придется.

— Игорек, ты эксплуататор! — горячо взмолилась Алла. — Кто сказал, что работы мне добавлять не станет? Сто не сто, но в последний раз чуть не десять лет назад виделась. Думаешь, у меня тут телефонная книжка сама обновляется?

— Да ладно тебе! Уж будто... Ал, ну ей-богу... — заканючила трубка.

— Ладно, ладно, не ной, — фыркнула Алла. — Маскарад — это действительно может быть весело. А то новый год наступил, а праздника как будто и вовсе не было. Ну или был черт знает как давно. Я за продолжение банкета! — Алла довольно точно воспроизвела интонацию Юрия Яковлева из бессмертной гайдаевской

комедии. — Так что идею твою одобряю, и старый Новый год — подходящая дата. В общем, народ обзвоню. Всех не обещаю, но постараюсь. Кого успею найти.

Старайся, однако, не старайся, а как собирать народ, когда все, как сговорились, отказываются от городских номеров? Ну да, ну да, век сотовой связи, зачем дома стационарный телефон? Вот и выходит: звонишь одному, другому, третьему — и здрасте-пожалуйста, «номер не обслуживается». Это еще если не считать того, что чуть ли не десятеро из их группы исчезли с горизонта сразу после вручения дипломов. Ну те, кто не москвичи, разумеется. Некоторым «провинциалам» удалось в Белокаменной зацепиться, но многие и разлетелись, ищи их теперь. Да и с москвичами не лучше. Витьку-большого убили еще в конце девяностых, Илюша уж лет восемь, как на родину предков свалил, Маратик, которому Алла до сих пор почувствовала себя отчасти обязанной, где-то в Германии пособие по безработице проедает. То есть, может, и не пособие, но Алле приятнее было думать именно так.

Да и до кого удалось дозвониться, не особо горели жаждой встречи. Не все, по крайней мере. Юрик вон сперва никак не догонял, что за Алла и о какой-то такой группе речь, а после буркнул, что не может «по семейным обстоятельствам». Ага, знаем мы эти обстоятельства! Еле языком ворочал, трубка, казалось, перегаром дышит. Ну надо же! А такой парень был, весельчак и душа компании — и на гитаре что хочешь мог сбачать, и анекдотами

как из мешка сыпал. А какие смешные поздравлялки для всех девчонок к Восьмому марта сочинял...

Ну и ладно, таких на встрече, конечно, не нужно. Ресторан Игорек выбрал недешевый, так что и компания должна состояться соответствующая. Как там говорил классик марксизма-ленинизма? Лучше меньше, да лучше. Алла и не рассчитывала на многолюдие.

Девчонок и вовсе черта с два найдешь — вечная же история, была Иванова, стала Сидорова. Впрочем, «прекрасную» половину группы Алла и не особо старалась отыскивать. Без Кристины, ясно дело, не обойдется, так что поблистать в чисто мужской компании не выйдет, но чем меньше будет на встрече «девочек», тем лучше. Правда, Ольке Копыловой она все-таки отзвонилась — и неожиданно удачно. Юный голос на том конце провода сообщил, что мамы сейчас нет, но обещал все передать. Гм, хмыкнула Алла, кладя трубку. Ольга что, фамилию не сменила? Мать-одиночка небось? Впрочем, чего еще от этой бедной, как церковная мышь, и такой же серой дурилки ожидать. Вот и ладненько, пусть будет серая мышка. Если, конечно, мышкино отродье не забудет передать приглашение. Потому что перезванивать Алла, разумеется, не станет, вот еще! Не получит Копылова приглашение — и ничего страшного, никого ее отсутствие не расстроит. А если и получит, может, еще и не захочет на него отзываться — чего хорошего чувствовать себя бедной родственницей на чужом празднике жизни? Ну

а уж если и явится, тоже неплохо. Ну для нее, для Аллы. С Кристиной не посоперничаешь, она небось и теперь в красотках, невзирая на возраст и двоих детей. А вот на фоне Копыловой Алла будет выглядеть очень даже прилично.

В ресторан она приехала с расчетом чуть опоздать — так, чтобы все уже собрались. Все да не все, оказалось. Только Алла успела расцеловаться с Игорьком, Кареном, Матвеем — мальчики выглядели один другого лучше, ну и с Кристиной, разумеется, — только они поахали друг на друга «какие все молодцы!», явилась и Копылова. Годы не прибавили ей ни морщин, ни килограммов, но в то же время...

Алла мысленно хмыкнула, окидывая бывшую одногруппницу — не подругой же ее считать, еще не хватало — оценивающим взглядом. М-да.

Серенький костюмчик а-ля Шанель, но гладкий, фу, и явно ношенный — должно быть, единственный приличный костюм в гардеробе одинокой мамыши (Алла мысленно уже окончательно записала Копылову в матери-одиночки). Сапожки на среднем каблуке — кожаные, но самые простые и далеко не новые. Сама Алла, разумеется, была в туфлях, как и Кристина. А уж средний каблук уважающая себя женщина вообще носить не должна. Либо шпилька, либо уж плоская подошва. А средний... ни то ни се, никакого стиля. Ну да и бант, изображающий из себя воротник выглядывающей из-под серенького жакетика